

Отечественные записки

№4 2006

Сергей Захаров

ВОЗРАСТНАЯ МОДЕЛЬ БРАКА В РОССИИ

История вопроса

Еще совсем недавно Россия считалась страной всеобщей и относительно ранней брачности. В начале 1990-х годов средний возраст невесты при вступлении в первый брак был менее 22 лет, жениха — менее 24 лет. Наиболее часто встречающийся возраст замужества (модальный возраст) составлял для девушки 19 лет, а к возрасту 25 лет более 80% россиянок хотя бы один раз выходили замуж (каждая третья из них — в возрасте до 20 лет, половина — к возрасту 21 год). Об универсальности социальной категории брака свидетельствовал такой показатель, как доля женщин и мужчин, ни разу не вступавших в брак к 50 годам, — около 5% для обоих полов. Столь низкий процент говорит о том, что за редкими исключениями все люди находили себе спутника жизни и добровольный отказ от брака не имел сколько-нибудь значимого распространения.

С середины 1990-х годов демографическая картина российской брачности начинает быстро меняться. За десять лет средний возраст жениха увеличился более чем на два года, невесты — почти на два года. Общая частота заключения браков в возрастах до 25 лет и у мужчин, и у женщин снизилась в два раза. Если по данным переписи населения 1989 года в возрасте 20–24 лет на 1 000 мужчин приходилось 595 человек, никогда не состоявших в браке, на 1 000 женщин — 335, то, согласно последней переписи 2002 года, эти показатели составляют соответственно 736 и 526 человек. Можно не сомневаться, что в последующие четыре года доля молодых людей, никогда не состоявших в браке к 25 годам, продолжала интенсивно увеличиваться.

Что же происходит с моделью брака и семьи в России? Откладывается ли брак на более поздний возраст, оставаясь при этом всеобщей социальной нормой, — или сам социальный институт зарегистрированного брака как формы совместной жизни утрачивает свои позиции? Можно ли полностью согласиться с распространенным убеждением, что вступлению в брак препятствуют экономические трудности и социальная напряженность, характерные для сегодняшней России? Или действуют какие-то другие, более глубокие причины?

Попробуем хотя бы частично разобраться в этих вопросах, опираясь на имеющиеся у нас данные государственной статистики, переписей населения и некоторых выборочных обследований населения. Но прежде имеет смысл дать краткий очерк истории брачности в России, чтобы читатель в полной мере смог почувствовать эпохальный характер, истинную революционность тех сдвигов в формировании брачно-семейных отношений, которые произошли в последние полтора десятилетия, но все еще остаются не замеченными большинством россиян.

В каком возрасте сочетались браком в старину

В России, как и везде, издавна существовала традиция ранних браков. Но в Западной Европе она была изжита не менее четырех веков назад. С середины второго тысячелетия здесь стал распространяться новый, отличный от традиционного тип брачности, названный Дж. Хаджналом «европейским»¹. Одной из его главных отличительных черт было позднее вступление в брак и высокая доля лиц, никогда не женившихся и не вышедших замуж. К началу XX века во многих странах Западной Европы 70–80% женщин в возрасте 20–24 года не были замужем, и даже к 30 годам доля незамужних достигала 40, а иногда и 50%. Неженатых мужчин в этих возрастах было еще больше².

В России же, в ее нынешних границах, к началу XX столетия почти безраздельно господствовала традиционная ранняя и почти всеобщая брачность.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года показала, что к возрасту 50 лет почти все мужчины и женщины состояли в браке: доля никогда не состоявших в браке к этому возрасту составляла 4% для женщин и 5% для мужчин. Вероятно, среди европейских стран лишь в Сербии и Болгарии распространенность брака была еще выше — на два-три процентных пункта.

Таблица 1

Никогда не состоявшие в браке в возрасте 45–49 лет в некоторых странах мира, рубеж XIX и XX веков, %

Страна, год*	Женщины	Мужчины	Страна, год*	Женщины	Мужчины
Швеция, 1900	19,0	13,0	Австралия, 1901	9,3	22,4
Бельгия, 1900	17,1	16,1	США, 1900	8,6	12,0
Швейцария, 1900	17,0	16,0	Чехия, 1910	8,5	6,2
Нидерланды, 1900	14,0	13,0	Польша, 1900	7,8	6,1
Англия и Уэльс, 1901	13,4	11,0	Европейская Россия, 1897	5,0	4,0
Австрия, 1900	13,0	11,0	Греция, 1907	4,0	9,0
Канада, 1911	12,0	15,1	Венгрия, 1900	4,0	5,0
Франция, 1901–1905	11,2	10,4	Румыния, 1899	3,0	5,0
Италия, 1901	10,9	10,9	Япония, 1920	1,9	2,3
Испания, 1900	10,2	6,4	Болгария, 1900	1,0	3,0
Германия, 1900	10,1	8,2	Сербия, 1900	1,0	3,0

* Страны ранжированы в порядке убывания доли никогда не состоявших в браке женщин.

Источник: Patterns of First Marriage: Timing and Prevalence. N.Y.: United Nations, 1990. P. 7–18.

Более половины всех невест и около трети женихов в Европейской России были не старше 20 лет. Но европейская часть Российской империи включала в себя прибалтийские губернии и некоторые другие районы со значительным протестантским и католическим населением, у которого тип брачности был близок к европейскому³. Если же говорить о собственно России в границах, близких к современным, то доля ранних браков была еще большей — в брак вступали сразу по наступлении социально признаваемого возраста совершеннолетия, который во

¹ Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века. М.: Статистика, 1979; Тольц М. С. Демографический анализ брачности: проблемы, методы, интерпретация результатов // Методы исследований / Рук. авт. коллектива А. Г. Вишневский. М.: Мысль, 1986.

² Хаджнал Дж. Указ. соч. С. 16.

³ Вишневский А. Г., Тольц М. С. Эволюция брачности и рождаемости в советский период // Население СССР за 70 лет / Отв. ред. Л. Л. Рыбаковский. М.: Наука, 1988. С. 75–79.

второй половине XIX века находился для девушки в интервале 13–16 лет, для юноши — 17–18 лет. Верхняя возрастная граница совершеннолетия совпадала с бракоспособным возрастом (табл. 2). В южнорусских областях девушка, не вышедшая замуж к 19 годам, считалась «застаревшей», и 20-летних невест начинали браковать: «есть, стало быть, недостаток, коль целых четыре года сидит в девках». В центральных и верхневолжских губерниях с 23–25 лет девушка — «перестарок», и женихи ее «обегают», а девица 25 лет — «засиделка», «векоуша», «старая». На российском Севере и в Сибири норма для брачного возраста устанавливалась в более широких пределах и в среднем на более высоком уровне, однако и там браки после 25 лет и для юношей, и тем более для девушек были редкостью (в этих областях не менее 80% девушек вступали в брак к указанному возрасту)⁴.

Согласно Э. Коулу, построившему карты доли состоящих в браке женщин по провинциям Европы, в том числе и по губерниям европейской части России, сходный с европейским тип брачности можно было обнаружить только в Санкт-Петербургской губернии. По мере же удаления от Прибалтики в глубь России брачность приобретала все более традиционный характер, и в центральных, в юго-восточных губерниях средний возраст вступления в брак составлял не более 20 лет⁵.

Таблица 2

Возраст социально признаваемого совершеннолетия и вступления в брак для девушки в России во второй половине XIX века

	Начало признаваемого совершеннолетия	Возрастной пик признания девушки совершеннолетней	Социальная норма для возраста вступления в брак
Южнорусские области	13–14	16	16–18
Центральные и верхневолжские области	13–15	16–18	16–23
Среднее Поволжье	13–16	16–18	16–25
Севернорусская зона	13–16	16–22	16–27
Сибирь	-	17–21	17–21

Источник: Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Л.: Наука, 1988. С. 47.

Правда, первые признаки отхода от традиционной брачности, в частности, повышения возраста вступления в первый брак, уже появились в России во второй половине XIX века⁶. Какую-то роль в этом сыграло введение всеобщей воин-

⁴ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Л.: Наука, 1988. С. 42–47.

⁵ Ansley J. Coale. The decline of fertility in Europe from the French Revolution to World War II // Fertility and family planning. A world view. S.J. Behrman, Leslie Corsa, Jr. and Ronald Freedman (editors). Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1969.

⁶ Отход от сверххранной брачности, когда нормой были браки между 13–14-летней невестой и 15–16-летним женихом, произошел еще раньше, в XVIII веке. В 1774 году церковь устанавливает бракоспособный возраст в 13 лет для женщин и в 15 лет для мужчин. В соответствии с императорским указом 1830 года минимальный возраст для вступления в брак повышается до 16 лет для невесты и 18 лет для жениха. Однако крестьяне и нижние слои городского населения нередко обращались к духовным властям за разрешением выдать замуж дочь в более раннем возрасте. В качестве главного мотива выдвигалась необходимость иметь в доме работницу или хозяйку. Для получения разрешения на брак девушки проходили медицинское освидетельствование на физическую зрелость и очень часто не выдерживали испытания, когда экспертами были врачи, и, наоборот, получали свидетельство на зрелость, когда решение принимали сами священники (см.: Мионов Б. Н. Социальная история России периода Империи (XIX — начало XX в.). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 167–168).

ской повинности (с 1874 года). Но перемены были не очень ярко выражены и затронули только те губернии, где после аграрной реформы быстро развивалась промышленность, усиливались отходничество и миграционная подвижность крестьянства. Так, в неземледельческо-промышленной полосе, где на рубеже веков было сосредоточено примерно 18% населения Европейской России, между концом 1860-х и первым десятилетием XX века доля браков в возрасте 20 лет и моложе сократилась у женщин с 55,9 до 48,5%, у мужчин — с 39,5 до 29,9%. А в центрально-земледельческих губерниях (30% населения) за то же время не произошло почти никаких изменений, доля браков в возрасте 20 лет и моложе осталась на прежнем уровне: у женщин — более 65%, у мужчин — более 43%⁷.

В целом на рубеже XIX и XX веков по показателю среднего возраста вступления в первый брак Европейская Россия, даже с учетом западных и северных губерний с их более поздней брачностью, была гораздо ближе к самым отсталым аграрным восточноевропейским странам, таким как Болгария, Румыния, Сербия, или к Японии и другим странам Азии, нежели к странам Западной Европы и Северной Америки (табл. 3). Если в Западной Европе и Северной Америке средний возраст вступления в брак для женщин колебался в пределах 24–27 лет и для мужчин — в пределах 27–29 лет, то в России он был как минимум на четыре года ниже для обоих полов.

Таблица 3

Расчетный средний возраст вступления в первый брак* в некоторых странах мира, рубеж XIX и XX веков

Страна, год**	Женщины	Мужчины	Страна, год**	Женщины	Мужчины
Швеция, 1900	27,5	29,5	Италия, 1901–1905	23,8	27,4
Нидерланды, 1900–1904	26,4	28,3	США, 1900	23,7	27,4
Англия и Уэльс, 1901	25,8	27,2	Польша, 1900	23,6	26,6
Германия, 1900	25,5	27,8	Европейская Россия, 1897	21,4	24,2
Бельгия, 1900	25,4	27,3	Япония, 1920	21,1	24,9
Чехия, 1900	25,4	27,8	Болгария, 1900	20,8	24,2
Франция, 1901–1905	24,6	28,0	Румыния, 1899	20,3	24,5
Испания, 1900	24,5	27,4	Сербия, 1900	20,1	23,0
Канада, 1911	24,3	28,6			

* Расчетный средний возраст вступления в брак (SMAM — Singulate Mean Age at Marriage), оцениваемый на основе возрастного распределения женщин, никогда не состоявших в браке. Методика расчета предложена Дж. Хаджналом (См.: Patterns of First Marriage. Timing and Prevalence. United Nations. N. Y., 1990. P. 323–327).

** Страны ранжированы в порядке убывания среднего возраста вступления женщин в брак.

Источник: Patterns of First Marriage: Timing and Prevalence. N.Y.: United Nations, 1990. P. 7–18.

В каком возрасте вступали в брак совсем недавно

Можно было бы ожидать, что огромные перемены, пережитые российским обществом и семьей в XX веке, приведут к изменению традиционной возрастной модели брачности, к отходу от нее и сближению с европейской моделью, в частности к повышению среднего возраста вступления в первый брак и более широкому распространению окончательного безбрачия.

⁷ Вишневский А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР / Под ред. А. Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С. 116–117.

Действительно, в России в 1930–1950-х годах наблюдалось повышение возраста вступления в брак, а поколения женщин 1910–1930 годов, рождения характеризовались повышенной, по сравнению с предшествующими поколениями, долей никогда не состоявших в браке к концу жизни. Однако отступление от традиционной модели брачности и сближение российских характеристик брачности с наблюдаемыми в западных странах было вызвано не столько эволюционными процессами, сопровождавшими общую модернизацию российского общества, сколько кризисными проявлениями избранного способа модернизации и специфическими условиями жизнедеятельности поколений, переживших коллективизацию, репрессии, голод и войну. Судить об этом позволяют данные так называемых таблиц брачности.

Таблица брачности представляет собой вероятностную модель процесса и является наиболее совершенным инструментом анализа возрастных закономерностей вступления в брак⁸. К сожалению, таблицы брачности в нашей стране строились и публиковались редко⁹ и относились к населению территорий, не сопоставимых в полной мере в долговременной ретроспективе. Россия в грани-

⁸ Таблица брачности — числовая модель, описывающая процесс вступления в брак, т. е. сокращения числа лиц, никогда не состоявших в браке, по мере увеличения возраста. Такие таблицы строятся либо для реального, либо для условного (гипотетического) поколения. *Реальное поколение* (когорты) представляет собой совокупность людей, родившихся в том или ином году, ряде смежных лет. Под *условным поколением* избранного года (календарного периода) понимается чисто теоретическая совокупность разновозрастных индивидов, которые в каждом возрасте своей жизни соответствуют демографическим характеристикам (брачность, рождаемость, смертность и т. д.), наблюдаемым для соответствующего возраста в данному году (периоде). Иначе говоря, «условное поколение» — это удобный инструмент исследования, точнее, повозрастной набор статистически фиксированных демографических состояний, соответствующих ныне живущим поколениям. При этом — за неизмением у нас статистических данных о будущем — в прогностических целях предполагается, что нынешнее поколение новорожденных, скажем, в 20-летнем возрасте будет обладать теми же демографическими характеристиками, что и сегодняшнее поколение 20-летних — и т. д. Интегральные характеристики, получаемые на основе таблиц брачности (в том числе средний возраст вступления в брак, средняя длительность пребывания в безбрачии) для реальных поколений, относятся к фактически наблюдаемым процессам, тогда как таблицы для условных поколений дают представление об ожидаемых параметрах, полученных в предположении, что вероятность вступить в брак для каждого возраста, зафиксированная в избранном году (периоде), в течение длительного времени не будет меняться (см.: Народнонаселение: энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 1994. С. 82, 490–496).

⁹ Главная причина такого положения — нехватка данных. Материалом для построения таблиц служат переписи и крупномасштабные выборочные обследования населения, в которых задается вопрос о том, состоял ли человек когда-либо в браке и в каком возрасте (календарном годе) вступил в первый брак. Для построения таблиц брачности нередко привлекаются данные о браках, заключенных в годы, предшествующие годам переписи населения или обследования (для построения таблиц брачности условных поколений), или учитывается динамика за много лет (в случае таблиц для реальных поколений). К сожалению, переписи 1937, 1939, 1959, 1970 годов не содержали развернутой формулировки вопроса о брачном состоянии, что не давало возможности выделить лиц, *никогда* не состоявших в браке, среди всех лиц, не состоящих в браке к моменту опроса. Данные текущего учета браков по возрасту и предыдущему брачному состоянию в Российской Федерации и СССР в целом в 1920-е — 1930-е годы централизованно не разрабатывались статистическими органами и попытки исследователей их проанализировать нигде, кроме как на Украине, нам не известны. Неудивительно, что ситуация с нехваткой данных повторилась во второй половине 1990-х годов, когда после принятия нового Закона об актах гражданского состояния в 1996 году государственная статистика потеряла возможность разрабатывать данные о зарегистрированных браках в разрезе возраста и предыдущего брачного состояния женихов и невест. В результате ценность данных о брачном состоянии, полученных при переписи населения 2002 года, оказывается существенно ниже, чем могла бы быть, — таблицы брачности вновь не могут быть построены.

НА ДАЧЪ.

— Мари! смотри онъ опять ѣдетъ мимо.

— Ахъ, Вѣрочка, я право не знаю стоитъ ли онъ, чтобъ имъ заниматься—у него кажется и экипажа-то своего нѣтъ.

цах современной Российской Федерации, как правило, отдельно не рассматривалась, что объясняется преобладающим интересом специалистов в советское время к СССР как единому государству, нехваткой требуемой информации, ограниченным объемом выборочных совокупностей при обследованиях, а также недооценкой самого понятия брачности, считавшегося подчиненным по отношению к фактору рождаемости, в связи с чем критерий для группировки территорий в ряде случаев задавался уровнем рождаемости, а не административным делением СССР.

Для нынешней территории Российской Федерации мы на сегодняшний день располагаем, строго говоря, всего одной опубликованной полной (по однолетним возрастным группам) таблицей брачности для условного поколения за 1989–1993 годы, построенной Л. Е. Дарским и И. П. Ильиной на основе данных микропереписи населения 1994 года¹⁰, и краткими таблицами (по пятилетним возрастным группам) за 1988–1989 и 1993–1994 годы, построенными А. Б. Синельниковым¹¹.

Все остальные известные нам таблицы брачности относятся к европейской части Российской империи (включая Прибалтику), к СССР в целом, к РСФСР, Украине и Белоруссии вместе взятым или к еще более сложным территориальным группировкам. Таковы, например, известные таблицы брачности за 1949–1959 годы, в которых Российская Федерация оказалась разорванной на две части: РСФСР без автономных республик была объединена в одну группу с Белоруссией, Молдавией, Литвой и Грузией, а Татарстан, Башкирия, Чечня с Ингушетией рассматривались вместе со среднеазиатскими республиками, Азербайджаном и Арменией¹².

В табл. 4 и 5 мы приводим основные показатели из опубликованных ранее полных таблиц вступления в первый брак для условных поколений женщин; эти данные позволяют проследить изменение модели брачности в России за 100 лет.

Таблица 4

**Некоторые показатели таблиц брачности (вступление в первый брак)*
для условных поколений женщин за различные годы**

Годы, авторы	Территория	Накопленная доля вступивших в первый брак к возрасту, %				Доля никогда не состоявших в браке к возрасту 50 лет, %
		20 лет	25 лет	30 лет	35 лет	
1897, М. С. Тольц	Европейская часть Империи	32,7	81,5	92,7	94,7	4,9
1925–1928, Ю. А. Корчак- Чепурковский	Украина**	33,6	82,4	93,7	96,1	2,6
1949–1959, Л. Е. Дарский	СССР	32,1	72,6	87,1	90,4	8,0
1965–1968, Л. Е. Дарский, И. П. Ильина	Россия, Украина, Белоруссия	32,1	83,1	94,0	96,6	2,2
1975–1978, Л. Е. Дарский, И. П. Ильина	Россия, Украина, Белоруссия	35,3	82,9	82,8	95,5	2,6

¹⁰ Дарский Л. Е., Ильина И. П. Брачность в России: Анализ таблиц брачности / НИИ статистики Госкомстата России. М.: Информатика, 2000.

¹¹ Борисов В. А., Синельников А. Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М.: НИИ семьи Минсоцзащиты России, 1995. С. 28–35.

¹² Дарский Л. Е. Формирование семьи. М.: Статистика, 1972. С. 62.

Годы, авторы	Территория	Накопленная доля вступивших в первый брак к возрасту, %				Доля никогда не состоявших в браке к возрасту 50 лет, %
		20 лет	25 лет	30 лет	35 лет	
1980–1984, Л. Е. Дарский, И. П. Ильина	Россия, Украина, Белоруссия	27,6	79,2	90,9	94,3	3,1
	Россия, русские	28,2	79,6	91,1	94,3	3,2
1989–1993, Л. Е. Дарский, И. П. Ильина	Россия	38,5	80,2	90,2	93,6	4,1
	Россия, русские	39,1	80,4	90,2	93,5	4,1

* В данной таблице представлены показатели «чистых» («обособленных») таблиц брачности, построенных в предположении, что все женщины, достигшие бракоспособного возраста (15 лет), доживут до 50 лет, и возрастные вероятности вступить в брак будут неизменными на уровне тех лет, для которых рассчитаны таблицы. В практике демографического анализа известны и «комбинированные» таблицы брачности, характеризующие брачность женщин с учетом их дожития. Однако в силу давно установившейся низкой смертности женщин в основных бракоспособных возрастах разница между показателями комбинированных и чистых таблиц брачности становится ничтожной и расчет комбинированных таблиц теряет смысл.

** За 1920-е годы имеется таблица брачности только для Украины, поскольку лишь в этой республике были разработаны данные о зарегистрированных браках, отражающие сведения о предыдущем брачном состоянии и возрасте вступающих в брак.

Источник: Демографическая модернизация России 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. С. 109.

Таблица 5

Характеристики среднего возраста вступления в первый брак* по таблицам брачности для условных поколений женщин за различные годы

Годы	Территория	Средний возраст для вступивших в брак до 50 лет	Средний возраст для вступивших в брак до 30 лет	Медианный возраст**	Модальный возраст***
1897	Европейская часть Империи	21,7	21,4	21,3	20
1925–1928	Украина	21,9	21,4	21,2	19
1949–1959	СССР	22,3	21,6	21,8	19
1965–1968	Россия, Украина, Белоруссия	21,9	...****	21,1	20
1975–1978	Россия, Украина, Белоруссия	21,9	...****	20,9	20
1980–1984	Россия, Украина, Белоруссия	22,5	21,7	21,5	20
	Россия, русские				
1989–1993	Россия	21,9	21,0	20,9	19
	Россия, русские	21,9	21,0	20,8	19

* См. комментарий к табл. 4.

** Возраст, к которому половина женщин вступает в первый брак.

*** Возраст, в котором наибольшее число женщин вступает в первый брак.

**** Расчет показателя невозможен, поскольку таблицы брачности опубликованы авторами не полностью.

Источник: Демографическая модернизация России 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. С. 109.

Вывод, который следует из анализа приведенных данных, удивителен: за 100 лет никаких видимых изменений в возрастных характеристиках вступления в первый брак для женщин *не произошло*. В начале 1990-х, как и сто лет назад, более 30% девушек вступало в брак в возрасте до 20 лет, более 80% к 25 годам хотя бы один раз выходило замуж. Половина всех девушек вступала в первый брак к возрасту 21 год (медианный возраст), а наиболее часто встречаемый возраст замужества, в соответствии с таблицей брачности за 1989–1993 годы, составлял 19 лет (модальный возраст), т. е. соответствовал наиболее распространенному возрасту невесты на территориях преимущественного проживания православного населения во второй половине XIX века (по таблице брачности для населения Европейской России за 1897 год, включавшей, как уже говорилось, территории с западноевропейским типом брачности, модальный возраст первого брака был равен 20 годам).

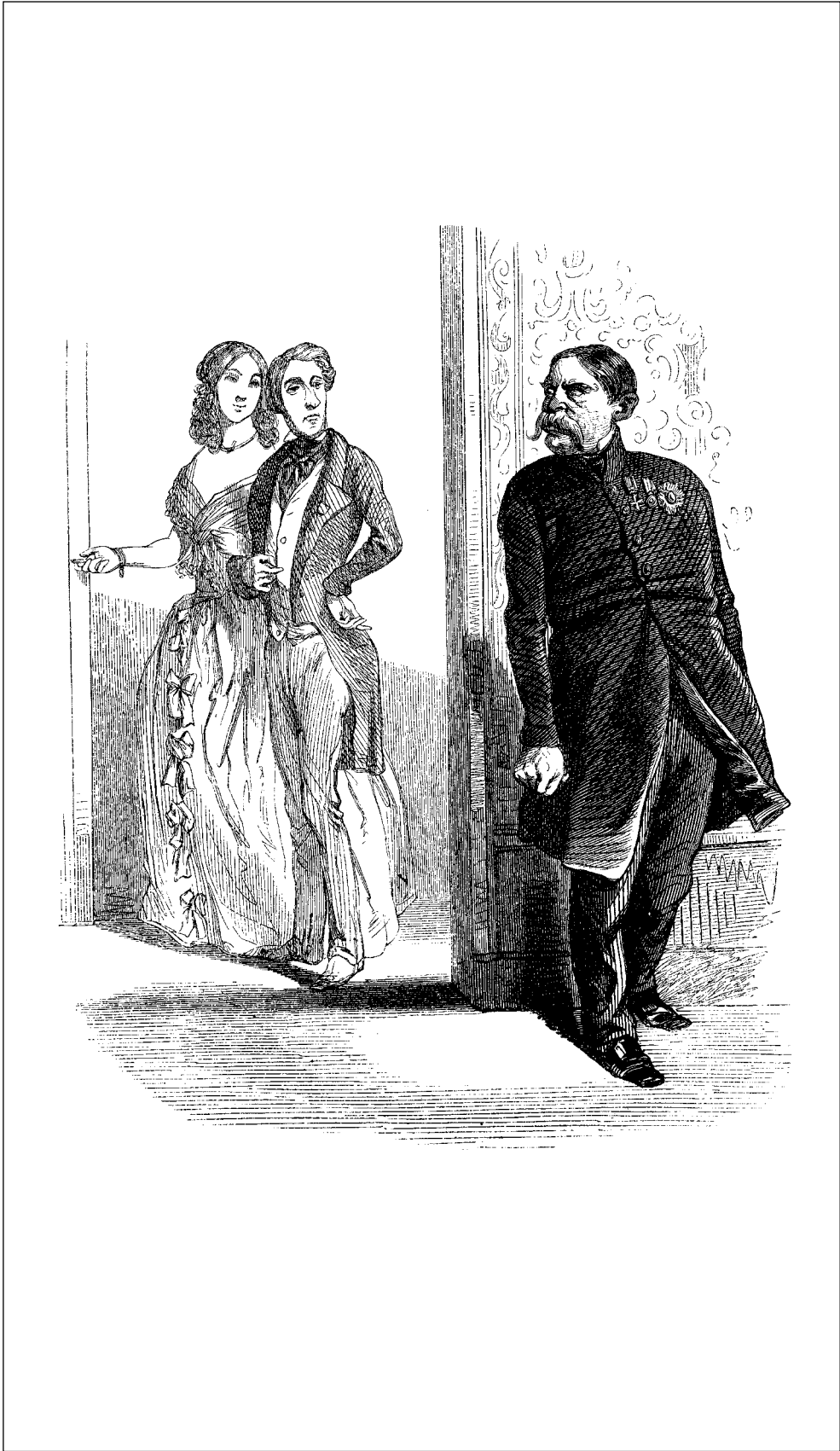
№4 2006

Таким образом, в России социальная норма, определявшая возраст первого замужества как 18–22 года, удержалась на протяжении жизни целого ряда поколений, несмотря на гигантские политические и социально-экономические изменения, произошедшие за это время в российском обществе. Более того, вероятность вступить в брак до 20 лет, т. е. сразу же по достижении официального брачного возраста (18 лет), в начале 1990-х даже была несколько выше, чем в конце XIX века! Вследствие чего оценки среднего возраста замужества для женщин, вступивших в брак до 30 лет, медианного и модального возрастов первого брака оказываются к концу XX века чуть ниже, чем в конце XIX или в первых десятилетиях XX века.

Нетрудно заметить, что все упоминавшиеся таблицы брачности были построены для относительно спокойных лет, когда и переписи или выборочные обследования населения проводились, и текущий учет браков соответствовал необходимым критериям. Однако в истории нашей страны не раз бывали периоды, которые никак нельзя назвать спокойными, и тогда процесс вступления в брак испытывал сильные возмущения, а «нормальная» возрастная модель брака деформировалась. Стоит ли говорить, что и с демографической статистикой за эти годы обстояло неважно, а потому и углубленный анализ брачности не был возможен.

Для того чтобы понять, как социальные катаклизмы сказались на среднем возрасте вступления в брак и распространенности окончательного безбрачия, таблиц брачности для отдельных условных поколений (для избранных календарных лет) недостаточно. Требуется анализ возрастных характеристик вступления в брак на основе таблиц брачности для реальных поколений, прошедших через все периоды XX века. Для всего населения СССР впервые такой анализ, позволивший изучить влияние Второй мировой войны, был выполнен И. П. Ильиной. Опираясь на данные выборочного обследования доходов и жилищных условий рабочих и служащих в СССР, проведенного ЦСУ СССР в 1967 году, она построила таблицы вступления в первый брак для женщин 1913–1947 годов¹³. Позднее таблицы брачности для реальных поколений строились многими авторами с ис-

¹³ *Ильина И. П.* Изучение брачности поколений женщин из семей рабочих и служащих в СССР // *Рождаемость (Проблемы изучения)* / Под ред. Л. Е. Дарского. М.: Статистика, 1976. С. 121–141; *Ильина И. П.* Влияние войн на брачность советских женщин // *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР* / Под ред. А. Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С. 58–61. Важнейшие характеристики брачности тех же поколений в разрезе национальностей опубликованы в работе: *Бондарская Г. А., Ильина И. П.* Этническая дифференциация брачности женщин в СССР: Демографический аспект // *Демографическое развитие семьи* / Под ред. А. Г. Волкова. М.: Статистика, 1979. С. 17–26.

пользованием различных источников данных для разной последовательности когорт и разными методами¹⁴. Ценным источником данных явилась микроперепись 1994 года, охватившая 5% всего российского населения (без Чечни), на базе которой нами были построены полные таблицы брачности (зарегистрированные и незарегистрированные союзы — для поколений 1900–1974 годов рождения), выдержки из которых приводятся в табл. 6 и 7.

Таблица 6

**Некоторые показатели таблиц брачности (первые браки)
для реальных поколений. Россия, женщины 1900–1974 годов рождения**

Год рождения	Доля вступивших в первый брак к возрасту, %				Доля никогда не состоявших в браке, %	
	20 лет	25 лет	30 лет	35 лет	К возрасту 50 лет	К концу жизни
1900–1904	33,7	71,5	84,0	89,1	7,3	6,5
1905–1909	33,4	72,2	84,9	89,6	7,4	6,6
1910–1914	30,4	70,7	83,4	87,8	8,7	7,7
1915–1919	30,1	65,8	79,5	86,3	9,8	8,6
1920–1924	16,0	54,3	78,0	85,2	10,2	8,9
1925–1929	14,5	61,0	82,2	88,4	7,5	6,5
1930–1934	17,8	66,8	85,6	90,9	5,6	4,9
1935–1939	22,3	72,7	88,2	92,7	4,3	3,7
1940–1944	28,1	75,1	89,2	93,2	4,1	3,6*
1945–1949	27,6	77,1	89,4	92,9	4,5*	3,9*
1950–1954	31,6	78,9	89,7	93,3	4,8*	4,1*
1955–1959	34,0	79,5	90,2	93,7	5,0*	4,3*
1960–1964	34,9	79,9	90,9	93,3*	5,4*	4,6*
1965–1969	36,5	80,9	88,9*			
1970–1974	40,8	73,5*				

* Предварительные оценки, основанные на экстраполяции трендов изменения возрастных вероятностей вступления в брак.

Источник: Полные таблицы брачности, рассчитанные автором на основе специальной разработки индивидуальных данных Микропереписи 1994 года. См.: Демографическая модернизация России 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. С. 113–114.

Таблица 7

**Характеристики среднего возраста вступления в первый брак
по таблицам брачности для реальных поколений.
Россия, женщины 1900–1974 годов рождения**

Год рождения	Годы достижения 20-летнего возраста	Средний возраст для вступивших в брак до 50 лет	Средний возраст для вступивших в брак до 30 лет	Медианный возраст*	Модальный возраст**
1900–1904	1920–1924	22,6	21,2	21,6	20
1905–1909	1925–1929	22,4	21,3	21,4	20
1910–1914	1930–1934	22,7	21,5	22,0	20
1915–1919	1935–1939	23,1	21,5	21,9	20
1920–1924	1940–1944	24,7	23,1	24,5	23
1925–1929	1945–1949	24,3	22,9	23,6	21

¹⁴ См. наш обзор в: Демографическая модернизация России 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. С. 111–113.

Год рождения	Годы достижения 20-летнего возраста	Средний возраст для вступающих в брак до 50 лет	Средний возраст для вступающих в брак до 30 лет	Медианный возраст*	Модальный возраст**
1930–1934	1950–1954	23,8	22,6	23,1	21
1935–1939	1955–1959	23,2	22,1	22,3	20
1940–1944	1960–1964	22,7	21,7	21,9	20
1945–1949	1965–1969	22,5	21,7	21,8	20
1950–1954	1970–1974	22,1	21,4	21,4	20
1955–1959	1975–1979	21,9	21,3	21,2	19
1960–1964	1980–1984	21,8***	21,2	21,1	19
1965–1969	1985–1989		21,0***	21,0	19
1970–1974	1990–1994			20,9	19

* Возраст, к которому половина женщин вступает в первый брак.

** Возраст, в котором наибольшее число женщин вступает в первый брак.

*** Предварительные оценки, основанные на экстраполяции трендов изменения возрастных вероятностей вступления в брак.

Источник: Тот же, что в табл. 6.

Главные выводы, которые можно сделать из анализа тенденций брачности для поколений, родившихся в XX веке, сводятся к следующему¹⁵. Вторая мировая война вызвала временную дестабилизацию брачности, затронувшую в первую очередь женские поколения 1920-х годов рождения, для которых возможности создания семей в годы войны были резко ограничены. В послевоенные годы подавляющее большинство представительниц данных когорт (почти 90%) все-таки смогло выйти замуж, но, соответственно, в более позднем возрасте по сравнению со старшими поколениями, и нередко за женихов моложе себя, поскольку слишком многие ровесники мужского пола были убиты на войне. В результате максимальное увеличение доли никогда не состоявших в браке к 50 годам оказалось совсем небольшим — около двух процентных пунктов (с 7–8% до 9–10%¹⁶). В то же время средний возраст первого брака для женщин, родившихся в первой половине 1920-х годов, возрос существенно — на два-три года по сравнению с поколениями, успевшими вступить в брак до войны.

По мере нормализации половых пропорций населения в молодом возрасте, для чего потребовалось два-три десятилетия, прежняя модель ранней брачности в России полностью восстановилась. Более того, тенденция к омоложению брачности в дальнейшем даже усилилась в условиях нормального соотношения полов в бракоспособном возрасте. Так, частота браков 18-летних женщин, рожденных в начале 1970-х годов, достигла такого уровня, что превысила частоту браков во всех остальных однолетних возрастных группах. В результате чего к началу 1990-х годов, или, иначе, для поколений 1960-х — первой половины 1970-х годов, возрастные характеристики первого брака оказались на уровне второй половины XIX века, т. е. вернулись к тем, какими они были когда-то у их прабабушек и прадедушек. Возраст сексуального дебюта, возраст начала брачной жизни и возраст рождения первенца оказались сближенными до предела. Мечта традиционалистов о слитности сексуального, брачного и репродуктивного поведения

¹⁵ Подробнее анализ см. в: Демографическая модернизация России 1900–2000. С. 113–120.

¹⁶ Даже этот максимальный, «кризисный» уровень безбрачия не может считаться высоким в сравнении с другими странами. Для Франции, к примеру, 8–10% никогда не бывших замужем женщин к 50 годам — нормальный уровень безбрачия для поколений, родившихся в первой четверти XX века.

была вновь воплощена — но не в условиях пуританских «законов жизни» и «высокой морали» позднего сталинизма, а в результате размывания традиционных ценностей в эпоху брежневского застоя и в революционные годы горбачевской перестройки.

Причины парадоксального омоложения брачности в России в 1960–1980-х годах заключаются главным образом в низкой культуре планирования семьи на фоне либерализации сексуальных отношений в юном возрасте. Снижение возраста начала регулярной половой жизни, на которое указывали все, правда, не очень многочисленные обследования¹⁷, приводило к высокой распространенности добрачных зачатий, что в свою очередь стимулировало заключение ранних браков. Известно, что среди всех детей, рожденных в 1960–1980-е годы в первом браке, 30–40% были зачаты до официальной регистрации брака, а у женщин до 20 лет эта пропорция составляла 50–60%. Можно не сомневаться, что практически все эти беременности были незапланированными, а зачастую и нежеланными. В результате главной причиной повышения вероятности заключения брака до 20 лет стала малодоступность контрацептивных средств и массовая безграмотность советских людей в сексуальной и контрацептивной сфере на фоне официальной табуированности темы для научных и общественных дискуссий. Даже между мужем и женой проблемы предохранения от беременности должным образом не обсуждались¹⁸.

Справедливости ради надо заметить, что с точно такими же трудностями столкнулись и западные страны, бурно пережившие сексуальную революцию в 1960-х — начале 1970-х годов. Острота проблем, связанных с ранней и высокой сексуальной активностью подростков, была преодолена там в значительной мере благодаря расширению современной практики планирования семьи, снятием векового идеологического табу с темы сексуальности. Решающую роль сыграла активность гражданского общества, общественных движений самой различной направленности, требовавших от государства доступности эффективной контрацепции (гормональной прежде всего) и информации о ней. Так, историческое «вхождение» лесбиянок в Париж в 1971 году сопровождалось не только понятными для этого движения лозунгами, но также требованием, казалось бы, не имеющим к ним прямого отношения: «Контрацепция: свобода и бесплатность». В том же году во Франции широкую огласку получил манифест 343 проституток, открыто заявивших о том, что они делали аборт несмотря на запрет, весьма высокие штрафы и уголовное преследование, и требовавших одновременно и либерализации аборта, и доступной контрацепции. После этих вызывающих

¹⁷ Обзор и анализ результатов обследований сексуального поведения в России см.: Кон И. С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М.: ОГИ, 1997. С. 262–271; Голод С. И. Что было пороками, стало нравами: Лекции по социологии сексуальности. М.: Ладомир, 2005.

¹⁸ «В сексуальной жизни не предполагалось специальных знаний; отсутствие знаний не становилось предметом обсуждения между мужем и женой, как и обсуждение других сексуальных проблем. Исключением могли быть проблемы предохранения от беременности, хотя обычно контрацепция, так же как и аборт, считалась “женским делом”. Отсутствует сексуальное образование и доступная научно-популярная литература, сексуальную жизнь в браке и за его пределами характеризует “невежество”, “умолчание” и “лицемерие” (Темкина А. Половая жизнь в позднесоветском браке // Семейные узы: Модели для сборки. Кн. 1. / Сост. и ред. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 530. См. также: Zdravomyslova E. Hypocritical sexuality of the late soviet period: sexual knowledge and sexual ignorance // Webber S. and I. Liikanen (eds). Education and civic culture in post-communist countries. London, 2001).

демонстраций со стороны «меньшинств»¹⁹, поддержанных широкой медицинской общественностью (манифест врачей «Мы практикуем аборт» в 1973 году), движение за либерализацию приобретает массовый характер, что приводит к известным результатам: с 1974 года затраты населения по приобретению контрацептивных средств во Франции начинают покрываться за счет средств обязательного медицинского страхования, а позднее и аборт становится легальным (законы 1975 и 1979 годов). По схожему сценарию события разворачивались во всех развитых странах, в том числе и в США.

В те же годы, когда в западных странах на волне массовых движений контрацептивная революция приближается к своему апогею, в Советском Союзе проблема незапланированных беременностей и аборт, напротив, консервируется глубоко ошибочной политикой Министерства здравоохранения, выступившего против легализации гормональной контрацепции и программ разработки отечественных препаратов. Да и с прочими противозачаточными средствами, в частности с элементарными презервативами, ситуация в стране была настолько плоха, что альтернативы абарту в регулировании размеров потомства вплоть до начала 1980-х годов практически никакой не было²⁰. И все же наиболее осведомленные отечественные демографы уже тогда, более тридцати лет назад, понимали глубинную связь возраста заключения брака и рождения первенца со специфическими особенностями модели планирования семьи в России. М. С. Тольц в 1974 году писал: «Переход к широкому применению высокоэффективных и простых в употреблении гормональных контрацептивов, может быть, явится фактором, повышающим как брачный возраст (для женщины), так и возраст при рождении первого ребенка. Преждевременное наступление беременности уже не будет стимулировать более раннее вступление в брак в тех случаях, когда оно откладывается молодыми людьми. Эту возможную тенденцию следует принимать во внимание при составлении прогнозов рождаемости и брачности»²¹. Как показала практика, условия для реализации этого прогноза появились в России лишь во второй половине 1990-х годов.

Другим, более известным фактором, стала активизация государственной семейной политики начала 1980-х годов (предоставление ранее не существовавших отпусков по уходу за ребенком, появление официальной категории «молодая семья» с соответствующими льготами), которая значительно увеличила рождаемость в молодом возрасте и тем самым интенсифицировала процесс омоложения

¹⁹ Мы привели лишь частные, хотя и яркие эпизоды борьбы за доступность контрацепции во Франции в поворотный момент ее истории. Напомним, что «Французское движение за планирование семьи» было основано в 1960 году, одновременно с началом легального выхода гормональных пилюль на рынок США. Движение занималось не только просветительской работой, но и распространением контрацептивных средств, нередко в нарушение закона. Контрацепция была полностью легализована лишь в 1967-м. Национальное движение за либерализацию аборта официально появилось во Франции в 1970 году. Подробнее об истории вопроса см.: *Leridon H. et al. La second révolution contraceptive. La régulation des naissances en France de 1950 à 1985. P.: INED, 1987. P. 48–55.*

²⁰ Лишь в начале 1980-х годов Минздрав СССР наконец-то осознает свою беспомощность в борьбе с абортами и, «наступив на горло» собственному консерватизму, организует закупки за рубежом больших партий внутриматочных средств и некоторых других препаратов, что положительным образом скажется на динамике аборт. Официальная реабилитация гормональных средств началась только в 1985 году. СССР, видимо, был одной из последних стран в мире, где пилюли получили признание. Потребовалось еще почти десять лет, чтобы импортная гормональная контрацепция заняла свое место в обычных аптеках.

²¹ *Тольц М.* Характеристика некоторых компонент рождаемости в большом городе // Демографический анализ рождаемости. М.: Статистика, 1974. С. 53.

брака. Само наличие свидетельства о браке повышало доступность некоторых социальных льгот, например жилья.

Наконец, нельзя не упомянуть и об официально не декларированной политике государства по сдерживанию доступа к высшему образованию, проявившей себя с особой силой со второй половины 1970-х годов. Высшее образование становилось все более популярным, особенно в городах. В то же время плановые и перспективные балансы трудовых ресурсов обнаруживали растущий дефицит *рабочих* рук, что воспринималось экономистами того времени весьма болезненно, учитывая экстенсивный характер развития советской экономики и гипертрофированно индустриальную структуру занятости. Так, один из ведущих советских экономистов писал в то время: «Желание нашей молодежи получать высшее образование — явление прогрессивное, и по мере создания необходимых материальных предпосылок оно будет реализовываться. Однако необходимо преодоление чрезмерной ориентации молодежи, окончившей среднюю школу, на поступление в высшие учебные заведения»²².

Широко развернувшаяся кампания по развитию профессионально-технического образования (ПТУ), установление более жестких барьеров для обучения в 9–10 классах средней школы и при приеме в ВУЗы должны были увеличить приток молодежи в рабочие профессии²³, что на самом деле и произошло. Примерно каждый второй человек из поколений, начавших учиться в школе во второй половине 1970-х годов, завершал свое образование в ПТУ²⁴, т. е. в 17–18-летнем возрасте. Торможение распространенности полноценного высшего профессионального образования, как и задумывали идеологи реформы, было достигнуто²⁵. В результате средний возраст выхода молодежи из системы профессионального образования если и не снизился, то едва ли увеличился, что не способствовало повышению возраста вступления в брак: в советское время возраст заключения брака был теснейшим образом связан с возрастом завершения образования. Вместе с тем, как показывали обследования, в начале 1980-х годов, до одной трети новобрачных еще продолжали учиться либо совмещали учебу с работой²⁶, и процент семейных студентов увеличивался²⁷.

²² Сонин М. Оценка уровня и структуры образования. Образовательная и социально-профессиональная структура населения СССР / Ред. колл.: Д. И. Валентей (гл. ред.) и др. М.: Статистика, 1975. С. 4.

²³ Государственные и партийные органы требовали от школы выполнения спущенного сверху плана поступления в ПТУ. Заметим, что Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР 1972 года «О завершении перехода к всеобщему среднему образованию» не предполагало всеобщность среднего образования в стенах общеобразовательной школы, тем более, что ПТУ, ориентированные прежде всего на выпускников 8-х классов, были в течение десятилетия реорганизованы таким образом, чтобы давать «полное» среднее образование. Закон 1984 года гласил, что ориентация учащихся после 8-го класса будет осуществляться в зависимости от «потребностей экономики, регионов, городов и сел». См.: Белая книга российского образования. Ч. 1. Проект Тасис «Управление образованием». М.: Издательство МЭСИ, 2000. С. 13, 47.

²⁴ Белая книга российского образования. Ч. 1. Проект Тасис «Управление образованием». М.: Издательство МЭСИ, 2000. С. 47.

²⁵ Комментаторы того времени с удовлетворением отмечали: «...В последние годы наблюдалась тенденция к преодолению однобокой ориентации молодежи на высшие учебные заведения», «возрастает процент восьмиклассников, поступающих в техникумы и профтехучилища, и уменьшается процент восьмиклассников, продолжающих учиться в 9-х классах полной средней школы» (Жильцов Е. Роль средних учебных заведений в повышении образовательного и профессионального уровня населения // Образовательная и социально-профессиональная структура населения СССР. С. 22

²⁶ Сысенко В. А. Молодежь вступает в брак. М.: Мысль, 1986. С. 125.

²⁷ Социально-демографический портрет студента / Ред. И. И. Елисеева М.: Мысль, 1987. С. 46, 58.

Удивительный феномен позднего советского периода — возникновение «студенческих семей» — объясняется также снижением возраста сексуального дебюта, все еще по традиции требующего легитимации вступлением в брак, тем более если в результате этих отношений наступала беременность. Либерализация сексуального поведения в студенческой среде протекала очень активно, что вызвало *снижение* возраста заключения брака в реальных поколениях женщин с высшим образованием, родившихся в 1955–1964 годы. Расширявшаяся практика предоставления специальных общежитий для семейных еще больше подталкивала к раннему заключению брака. Кроме того, в заключении брака до завершения учебы нередко был и меркантильный интерес исключительно советского свойства: избежать обязательного распределения после получения диплома, остаться (прописаться) в большом городе и т. п.²⁸

№4
2006

Трансформация брачной модели в современной России: тихая революция 1990-х

Переход к иной политической и социально-экономической модели общества в первой половине 1990-х годов, как известно, протекал в России бурно. Едва ли кто-нибудь сомневается в революционной сущности перемен, произошедших за 15 лет в политической и экономической жизни России. Между тем не менее значительные перемены в характере формирования российских семей все еще недооцениваются: если их вообще замечают, то воспринимаются они, скорее, как временные аномалии или нежелательные мутации, требующие корректировки методами социальной инженерии. Оставим на совести этих «инженеров» желание «возродить традиционные семейные ценности» в условиях совсем нетрадиционной организации экономической и социальной жизни в современном обществе и постараемся разобраться, в чем состоит реальный процесс изменения брачной модели.

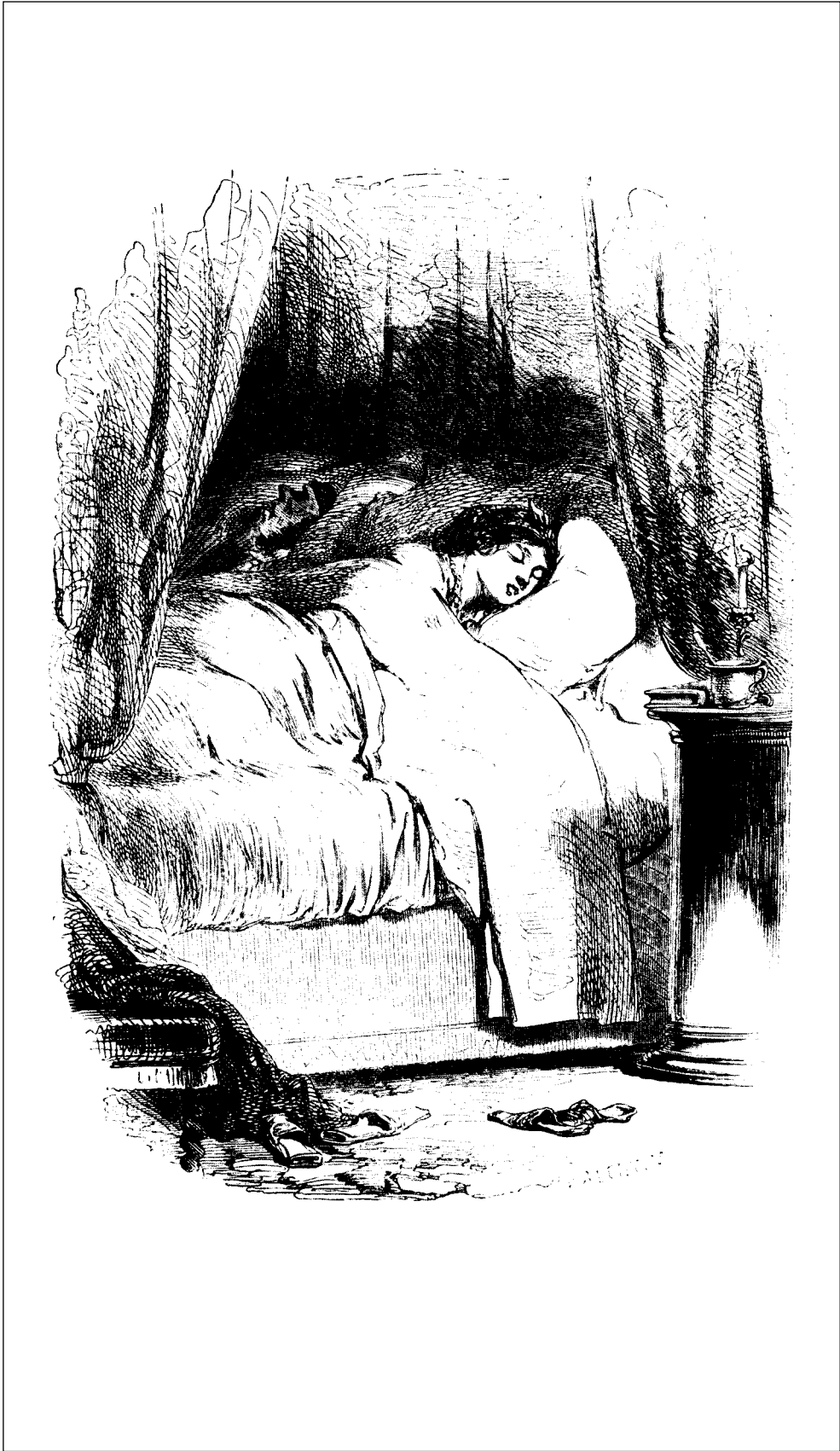
Возраст вступления в брак — вне всякого сомнения — повышается и у женщин, и у мужчин. За короткий период между 1994 и 2002 годом увеличение было столь значительным, что едва ли ему имеется аналог во всей предшествующей истории страны (табл. 9). С другой стороны, по темпам «старения» брачности Россия среди развитых стран — скорее аутсайдер: движение в сторону более поздней брачности у нас началось не только как минимум на два десятилетия позже, чем в западных странах, но и протекает не столь интенсивно, как в соседних странах Восточной Европы (рис. 1 и 2). Средний возраст российской невесты в первом браке, по самым последним оценкам, лишь приближается к 24 годам. В Эстонии, Венгрии, Хорватии и Чехии этот показатель равен 25 годам. В западных странах «нормальный» возраст первого замужества уже составляет 26–28 лет и продолжает увеличиваться (в Швеции, к примеру, он преодолел 30-летнюю планку!).

Таблица 8

Расчетный возраст вступления в первый брак и его изменение: переписи 1926, 1979, 1989, 2002 годов и микроперепись 1994 года, Россия

	Возраст вступления в брак, лет		Изменение по сравнению с предыдущей оценкой, лет	
	Мужчины	женщины	мужчины	женщины
1897 (Европейская часть Империи)	24,2	21,4	-	-
1926	23,0	20,9	-1,2	-0,5
1979	24,2	21,5	1,2	0,6

²⁸ Головако Б. И. Студенческая семья. М.: Мысль, 1988. С. 54–55.

	Возраст вступления в брак, лет		Изменение по сравнению с предыдущей оценкой, лет	
	Мужчины	женщины	мужчины	женщины
1989	24,3–24,4	21,6	0,1–0,2	0,1
1994	24,5	21,8	0,1–0,2	0,2
Городское население	24,5	22,1	-	-
Сельское население	24,6	20,8	-	-
2002	26,1–26,3	23,5–23,6	1,6–1,8	1,7–1,8
Городское население	26,1–26,3	23,7–23,9	1,6–1,8	1,6–1,8
Сельское население	26,0	22,6–22,7	1,4	1,8–1,9

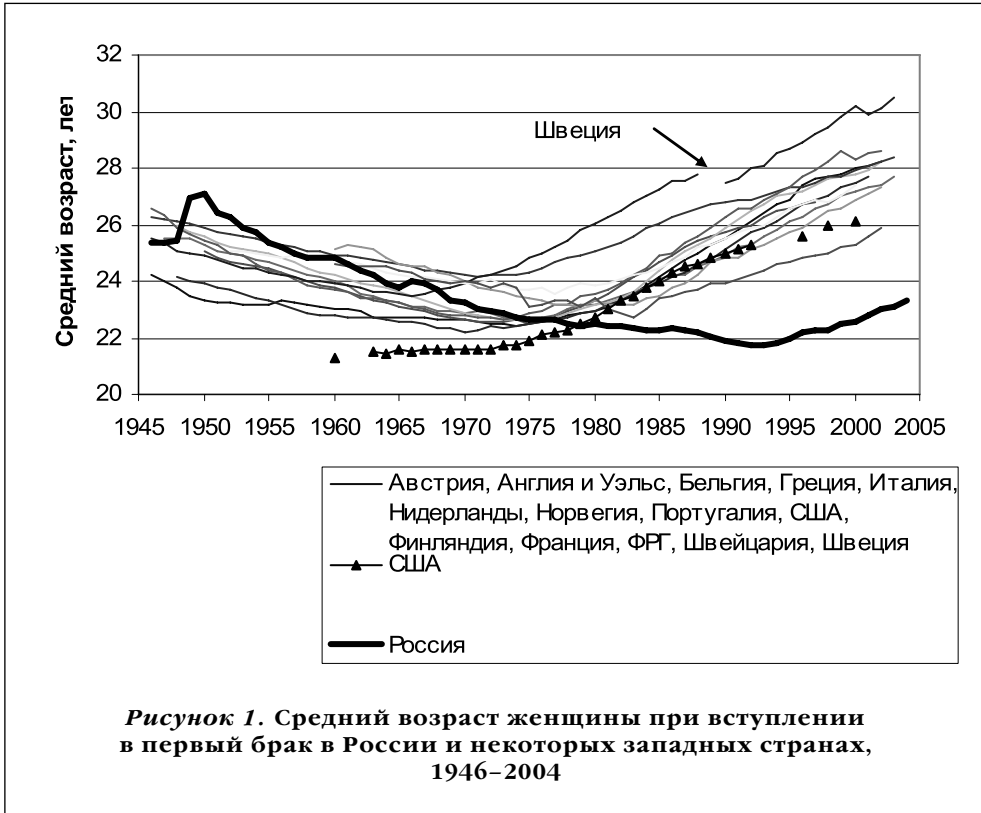
Источник: за 1897 год — *Тольц М. С.* Брачность населения России в конце XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А. Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977. С. 139; за остальные годы — расчеты автора (см.: Население России 2003–2004. Одиннадцатый — двенадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневыский. М.: Наука, 2006. С. 212).

Данные, представленные на рисунках, заставляют серьезно сомневаться, что российские тенденции брачности есть не более чем временная аномалия, вызванная низкими доходами населения. Напротив, по мере того как страна потихоньку выбирается из бедности, брачный возраст ползет вверх: повторяется процесс, пройденный другими странами. Скорее всего рост уровня жизни в России будет и далее сопровождаться изменением возрастной модели брачности²⁹. Бросается в глаза и тот факт, что начало повышения возраста заключения брака в России в середине 1990-х произошло синхронно с переломом тенденций в области образовательных стратегий.

К середине 1990-х годов наконец-то произошло освобождение от липкой паутины плановых трудовых балансов: предложение образовательных услуг в России поднялось до уровня реального спроса, который, как мы уже знаем, был в значительной степени неудовлетворенным, особенно в сфере высшего образования. Профессионально-технические училища утратили ведущую образовательную роль, чему способствовала и реструктуризация российской экономики, сопряженная с падением промышленного производства. Привлекательность средних специальных учебных заведений уровня техникума на поверку оказалась также не слишком высокой, как только расширились возможности продолжения обучения в старших классах полной общеобразовательной школы с перспективой поступления в вузы. Рис. 3 демонстрирует, как сильно (почти на 15% за 10 лет) выросла вероятность того, что выпускники 8–9 классов продолжают обучение

²⁹ Недавно, полемизируя с автором этих строк, один из участников дискуссии, выразив сомнение в том, что модель брачности в России действительно «вестернизируется», заявил буквально следующее: «Рост благосостояния в России был оплачен, в частности, откладыванием брака, отказом от него». Против именно такой формулы возразить по существу нечего. Однако следует ли из этого делать вывод о возможной обратимости тенденций брачности? Ведь в действительности в основе повсеместной смены брачной модели лежит переход от чуть ли не обязательной ритуальности брака, символизирующей завершение вхождения во взрослую социально-демографическую страту, к преимущественно рациональным, в том числе и экономическим основам его заключения, и, в общем случае, неважно, что явилось внешним толчком для смены мотивации. На то, что низкий возраст вступления в брак в поздний советский период во многих отношениях отражал иррациональное поведение и как явление должен был исчезнуть, я писал еще до того, как обнаружилась тенденция к его повышению. См.: *Zakharov S. V., Ivanova E. I.* Fertility Decline and Recent Changes in Russia: On the Threshold of the Second Demographic Transition // J. DaVanzo (ed.) *Russia's Demographic "Crisis"*. RAND, Santa Monica, 1996. P. 59; *Захаров С. В., Иванова Е. И.* Рождаемость и брачность в России // Социологические исследования. 1997. № 7. С. 77–79.

Возрастная модель брака в России

в общеобразовательной школе. Еще значительнее — на 25% с 1992 года — вырос другой показатель: отношение числа лиц, принятых на очную форму обучения в высших учебных заведениях, и числа выпускников средней общеобразовательной школы.

Безусловно, данное отношение не вполне соответствует доле тех, кто поступил в вуз в год окончания школы, т. к. среди принятых абитуриентов всегда есть выпускники средних специальных, начальных профессиональных и прочих учебных заведений, юноши, отслужившие срочную службу в армии, «неудачники» прошлых лет, а также те, кто получает второе высшее образование. Однако тенденция массового перехода к высшему образованию, ставшему общедоступным, очевидна. Появление негосударственных учебных заведений и расширение возможностей получения образования на коммерческой основе (с 1993 года) сыграли решающую роль в этом процессе.

Итак, в относительном выражении число учащихся российских вузов значительно выросло, соответственно этому меняется образовательная структура молодых поколений: доля лиц с высшим образованием заметно повысилась. По данным репрезентативного обследования RusGGS-2004³⁰, в женских поколениях 1955–1964 годов рождения доля имеющих высшее образование составляла 21%, а в поколениях 1975–1979 годов к возрасту 25 лет — уже почти 33% (к 30–35 годам будет соответственно еще выше). Несложные расчеты показывают, что если различия в возрасте вступления в брак между людьми разных уровней образования остались бы прежними, то изменение в образовательной структуре женского контингента бракоспособного возраста, вызванные распространением высшего образования, могло бы объяснить увеличение возраста вступления в брак женщин всего на 0,2–0,3 года. Однако, как мы уже знаем, рост был намного более быстрым. Следовательно, увеличение средних показателей для всего населения России было вызвано не столько тем, что относительно большое число женщин приобщилось к высшему образованию, сколько увеличением брачного возраста женщин всех уровней образования, и в первую очередь женщин с высшим образованием. Результаты того же обследования это подтверждают.

³⁰ Репрезентативное для всей страны выборочное социолого-демографическое обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (далее RusGGS) было проведено летом 2004 года. Опрос методом формализованного интервью средней длительностью более 1,5 часов охватил 11 261 мужчин и женщин в возрасте 18–79 лет в 32 регионах России. Мужчины и женщины представляли независимые между собой случайные выборки, нестратифицированные по возрасту и другим признакам. Обследование осуществлено в рамках большого международного проекта “Generations and Gender Programme”/«Поколения и гендер» (генеральный координатор проекта — Европейская экономическая комиссия ООН). Финансовая поддержка обследованию в России была оказана Пенсионным фондом РФ и Институтом демографических исследований общества Макса Планка (MPIDR, г. Росток, Германия). Координатор проекта в России — Независимый институт социальной политики (НИСП, Москва). К настоящему времени по близкой к базовой программе GGS обследования проведены в Венгрии (2001), Италии (2003), Японии (2004), по полностью сопоставимой программе на базе стандартного вопросника обследования проведены в Болгарии (2004), Австралии (2005), Германии (2005), Франции (2005), Чехии (2005), Эстонии (2004–2005), Литве (2006), Грузии (2006). На 2006 год обследование также было запланировано в Австрии, Польше, Румынии, Словении, Турции, на 2007-й — в Бельгии и Норвегии. Описание программы и задач проекта, а также базовый вопросник на английском языке можно найти на сайте Отдела населения ЕЭК ООН [<http://www.unecsc.org/ead/pau/ggp/Welcome.html>], вопросник на русском языке доступен на сайте НИСП [http://www.socpol.ru/research_projects/proj12.shtml]. Полезную информацию о проекте можно также найти на сайте MPIDR [<http://www.mpidr.de>] (Laboratory of Contemporary European Fertility and Family Dynamics).

Таблица 9

Медианный возраст регистрации брака женщин с разным уровнем образования. Россия, когорты 1940–1979 годов рождения. Обследование RusGGS-2004

Годы рождения	Все	Не выше школьного и начального профессионального	Среднее профессиональное	Высшее профессиональное
1940–1944	22,1	21,3	21,2	24,1
1945–1949	22,0	21,1	21,2	23,1
1950–1954	21,2	21,1	21,1	23,1
1955–1959	21,1	20,3	21,1	22,1
1960–1964	21,0	20,2	20,2	21,3
1965–1969	20,5	20,2	20,2	22,0
1970–1974	21,0	20,0	20,2	23,0
1975–1979	22,0	22,0	21,0	23,1

Рационализация брачной модели раньше всего началась в социальных группах, характеризующихся высшим профессиональным образованием. Осознание той простой истины, что раннее формирование семьи затрудняет адаптацию к меняющейся экономической и социальной реальности, вначале приходит к интеллигенции, жителям крупных городов, затем распространяется на нижние образовательные страты и жителей провинции. Означает ли это окончательное прощание с традиционной моделью раннего брака в России? Со всей определенностью положительно ответить на этот вопрос мы пока не решаемся. В то же время целый ряд очевидных моментов свидетельствует в пользу данного вывода.

Во-первых, контрацептивное поведение россиян решительным образом меняется в сторону современных и эффективных средств предохранения от беременности. В 1980-е годы больше половины женщин, контролирующих рождаемость, использовали традиционные методы, в то время как сегодня (по данным RusGGS-2004) — только 23%. Число применяющих гормональные противозачаточные таблетки значительно возросло: с 1–4% в 1980-х до 17%.

Таблица 10

**Структура применяемых методов контрацепции,
по данным выборочных обследований женщин репродуктивного
возраста, в % от применяющих контрацепцию³¹**

Регион	Год	Прерванное с ношение	Календарный метод	Спринцевание	Презерватив	ВМС	Гормональные таблетки	Другие
1 Москва	1982	14	30	17	21	11	4	4
2 Москва	1983-	24,9	27,0	8,1	24,4	9,8	2,0	3,8
Саратов	1985	20,7	27,6	17,0	20,5	8,5	2,5	3,2
Уфа		19,2	26,0	18,2	15,1	14,5	1,4	5,6
3 Хабаровский край, село	ок.1985	20,0	17,1	16,4	20,4	12,5	3,7	10,4
Калининская обл., город		19,2	19,9	14,3	20,5	15,4	3,3	8,1
Челябинская обл., город		20,3	20,5	18,7	16,7	11,7	2,4	10,8
4 Санкт-Петербург, Калуга	1988	18,4	24,4	14,7	16,9	24,4	3,3	Н/д
5 Ивановская область, Екатеринбург, Пермь	1996	7,0	16,4	Н/д	17,1	42,3	10,3	6,8
	1999	11,0	16,4	Н/д	21,9	34,2	11,0	5,5
6 Россия, RusGGS	2004	7,6	11,4	4,2	27,9	28,6	17,2	3,1

1 — Женщины, посетившие поликлинику.

2 — Опрос супругов с одним или двумя детьми, возраст жены — до 35 лет.

3 — Применяли последние два года; могли указать несколько средств, поэтому сумма не равна 100.

5 — Женщины, имеющие партнера.

6 — Если респондент назвал несколько методов, выбран наиболее эффективный из них. Женщины, имеющие партнера.

Источник: Сакевич В. И., Захаров С. В. Особенности планирования семьи и рождаемость в России: контрацептивная революция — свершившийся факт? Результаты репрезентативного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе». Доклад. М.: Независимый институт социальной политики, 2006.

Сформировавшийся в 1990-х годах рынок контрацептивных средств обеспечил инструментальную основу для планирования беременностей и рождений в желательные для родителей сроки. В результате рождаемость у женщин в возрастах до 20 лет снизилась в два раза на фоне двукратного падения интенсивности производства искусственных аборт. По-видимому, в России уходят в прошлое ранние браки, стимулированные добрачной незапланированной беременностью. Рождаемость у юных мам упала, но одновременно выросла доля рождений, регистрируемых как «внебрачные» (к моменту регистрации ребенка в органах ЗАГС

³¹ Автор отдает себе отчет в том, что данная таблица построена не вполне корректно, поскольку в ней от строки к строке меняется не только география опроса, но и критерий выборки. Объяснение этому простое — почти полная недоступность данных за рассматриваемый период. Мне пришлось принимать участие в обработке данных и опросах 1982 и 1985 годов. В то время разрешение на проведение социологических опросов нужно было испрашивать в партийных инстанциях. Секретарь Севастопольского РК КПСС г. Москвы, слышавший либералом, сказал: «В моем районе недопустимо спрашивать людей об этом!» Порой это вынуждало исследователей идти на подлог: мы подавали на утверждение один вопросник (без упоминания контрацепции), а фактически пользовались другим. По той же причине в советские годы не было ни одного национального репрезентативного обследования планирования семьи.

родители таких детей не состояли в официальном браке). В 1980 году у матерей до 20 лет доля внебрачных рождений в общем числе рождений в этой же возрастной группе составляла 18,7%, в 1990-м — 20,2%, а в 2004-м — 47,3%³². Традиционное прикрытие добрачного «позора» скоропалительным браком получает все меньшее распространение.

№4
2006

Во-вторых, социологи фиксируют решительный отказ от традиционного отношения к замужеству как безальтернативному пути для успешной самореализации девушки. По результатам последних опросов выходит, что «хорошая работа» более важна для ее будущего, чем «удачное замужество» (табл. 12). Автор приводимых данных так их комментирует: «...Нельзя не принять во внимание то, что, отдавая предпочтение либо удачному замужеству, либо хорошей работе, респонденты могли исходить не только из ценностных соображений (как строить свою жизнь женщине, где себя реализовывать), но из прагматических (какая стратегия сегодня лучше работает, приносит больший выигрыш)»³³. Однако, даже если дело только в «прагматизме», т. е. в рационализации поведения, то это еще больше убеждает нас, что патриархальные устои — представление об обязательности брака как социальной норме — разрушены до основания.

³² Подробнее о тенденциях внебрачной рождаемости см.: Население России 2003–2004.

Одиннадцатый — двенадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред.

А. Г. Вишневский. М.: Наука, 2006. С. 255–261; Захаров С. В., Иванова Е. И. Внебрачные дети // Население и общество: Информационный бюллетень ЦДЭЧ ИНП РАН. 2001. № 59 (ноябрь).

³³ Вовк Е. Гендерная асимметрия и женские роли в современной России // Социальная реальность. 2006. № 3. С. 69.

Таблица 11

**Распределение ответов на вопрос: «Если бы у вас в семье была (или есть) дочь-подросток, то с чем прежде всего вы связывали бы ее будущее — с удачным замужеством или с хорошей работой?»
Россия, массовые опросы общественного мнения,
в % к числу опрошенных**

	1990*	1995**	2001**	2002**	2005**
С удачным замужеством	64	46	27	25	27
С хорошей работой	19	36	64	62	62

* Опрос ВЦИОМ.

** Опросы Фонда «Общественное мнение».

Источник: Вовк Е. Гендерная асимметрия и женские роли в современной России // Социальная реальность. 2006. № 3. С. 69.

В-третьих, регистрация брака с ее символическими, торжественными атрибутами утрачивает значение стартовых позиций для совместного проживания все большего числа молодых людей. Согласно результатам обследования RusGGS-2004, в возрастах до 25 лет формальные союзы теперь не являются доминирующими — среди тех, кто проживает совместно с партнером, половина мужчин и женщин состоят в неформальных союзах³⁴. В расчете на всех мужчин от 20 до 40 лет эта доля составляет 13–15%, а в расчете на всех, имеющих партнера в домохозяйстве, — от 42% в возрастной группе 20–24 лет до 17–19% у тридцатилетних³⁵. Опросы женщины дают ту же картину. Стоит ли удивляться, что, согласно официальной статистике, почти каждый третий ребенок в России был рожден вне брака?

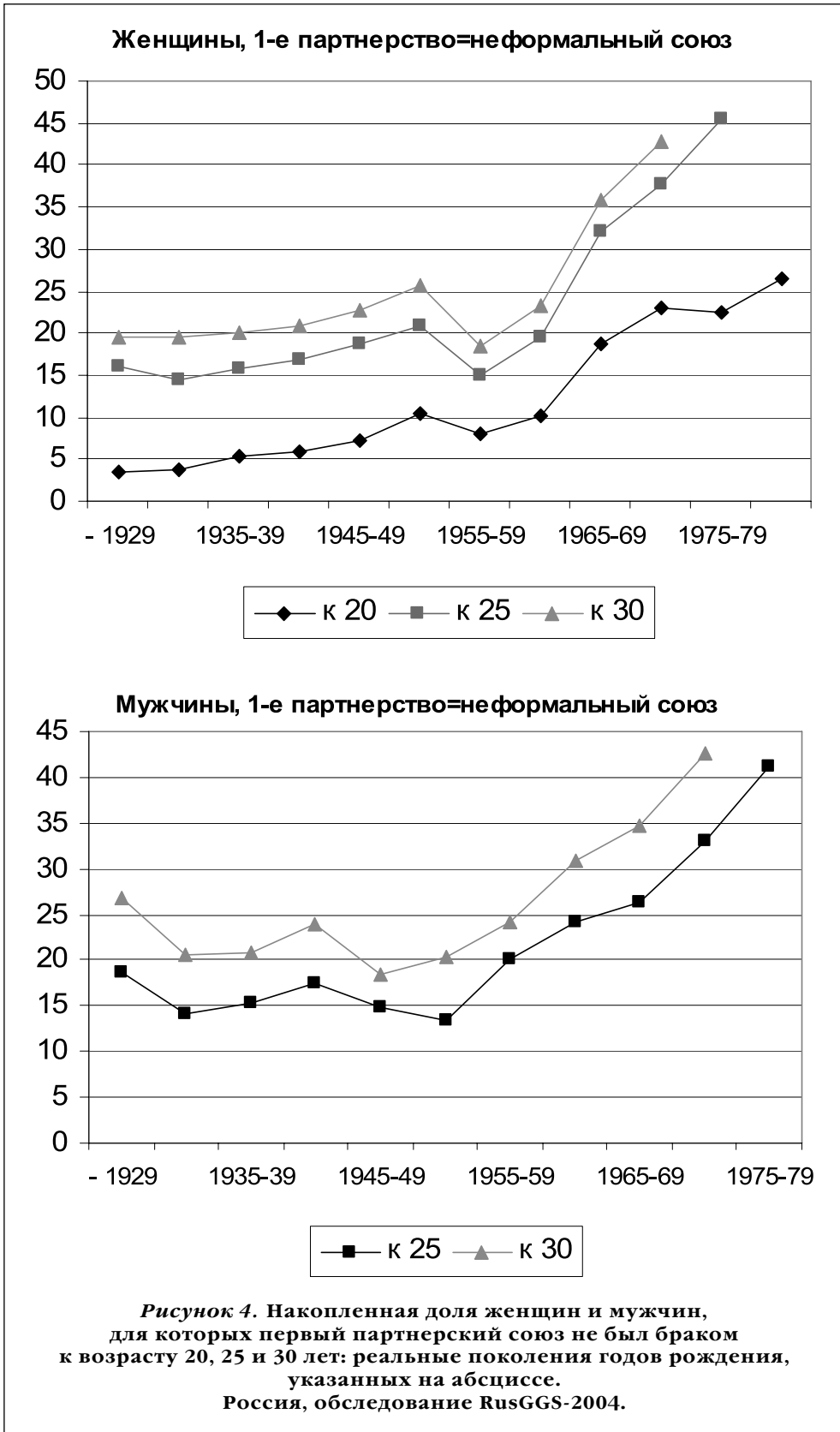
Путь к массовому распространению неформальных отношений как альтернативы официальному браку в первом партнерском союзе проложили поколения, родившиеся во второй половине 1960-х годов (рис. 4). Нельзя сказать, что сожительства до брака раньше не были распространены в России. Напротив, в поколениях россиян, родившихся перед войной и формировавших свои семьи в 1950-х годах, не менее 20% мужчин и женщин к 30-летнему возрасту свой первый партнерский союз начинали с юридически неоформленных отношений. Более того, тенденция к более раннему началу партнерских отношений, о которой говорилось выше, сопровождалась хотя и медленным, но устойчивым ростом числа юридически неоформленных союзов среди молодежи.

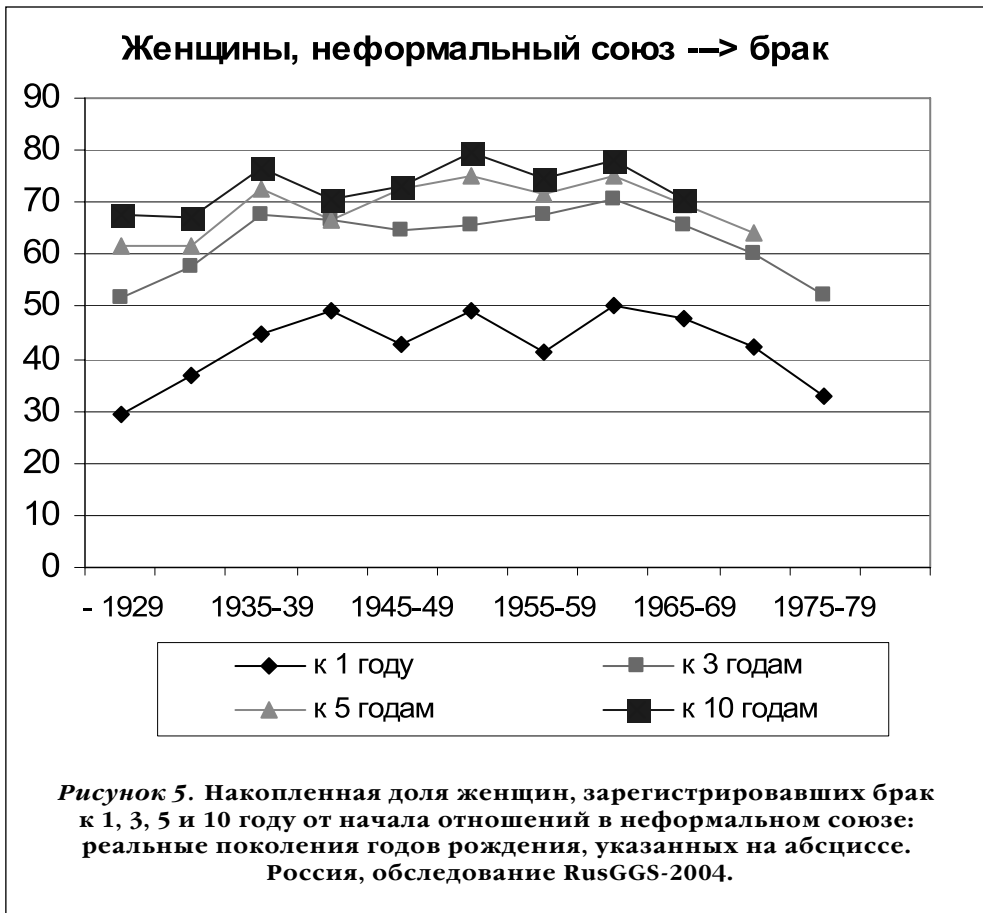
Однако среди представителей поколений, родившихся после 1960 года, распространенность неформальных отношений носит взрывной характер. Сегодня не менее 25% женщин к 20 годам и не менее 45% к 25 годам брак со своим первым партнером не регистрировали. Данные для мужчин подтверждают эти цифры — 40–45% первых союзов — это сегодня неформальные союзы.

Неформальные отношения в начале совместной жизни для большинства носят временный характер пробного брака. Спустя какое-то время для многих пар отношения становятся вполне respectable, юридически оформленным браком. В то же время, данные RusGGS показывают, что регистрация бра-

³⁴ Такой же результат был получен и в результате общероссийского опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в 2005 году, правда, на выборке в восемь раз меньшей, чем RusGGS-2004. См.: Вовк Е. Практика сожительств в России: распространенность, смыслы, интерпретация // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 49.

³⁵ Подробные таблицы представлены в: Захаров С. В. Новейшие тенденции формирования семьи в России. Статья первая: Расширяющиеся границы брака // Демоскоп-Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». ЦДЭЧ ИНП РАН. №237-238 (6–19 марта 2006) [<http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema01.php>].

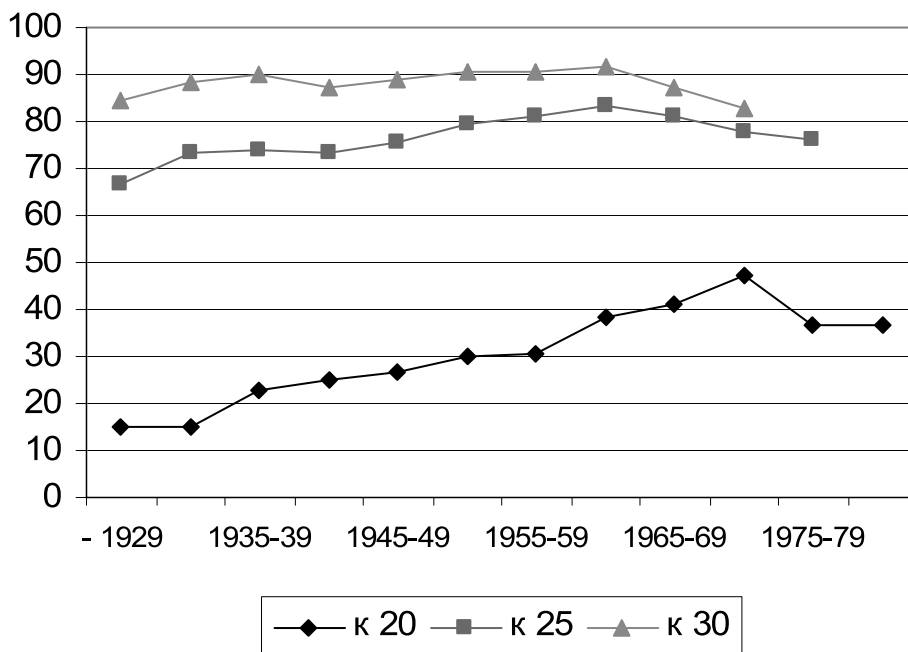

ка все чаще не просто откладывается на время до проверки прочности отношений, но и не наступает вовсе (рис. 5). Если в поколениях 1950-х годов рождения уже к первому году от начала неформального союза 50% женщин регистрировали брак со своим партнером, то в поколениях второй половины 1970-х годов — 30%. Снижается показатель и для тех, кто долго живет вместе. К третьему году еще недавно регистрировали брак до 70% партнеров, начавших совместную жизнь с неформальных отношений, сегодня — 50%. К пятому году семейной жизни снижение этого показателя составило более 10 процентных пунктов. Заметим, что если оформление отношений не происходит к трем-пяти годам совместной жизни, шансы того, что брак в этом партнерском союзе будет когда-нибудь зарегистрирован вообще, минимальны — практически нет никакой разницы в процентных долях зарегистрировавших брак к 5-му и 10-му годам от начала отношений.

Оценка суммарной доли женщин и мужчин, когда-либо оформивших брачные отношения с первым партнером — в самом начале партнерского союза или спустя многие годы, — показана на рис. 6. В поколениях 1950-х годов рождения к возрасту 30 лет 90% мужчин и женщин заключали брак с первым партнером, в поколениях 1970-х годов рождения этот показатель снизился до 80%, и следует ожидать его дальнейшего снижения, если ориентироваться на показатели для поколений, достигших к моменту обследования своего 25-летия.

Итак, по всем параметрам брак как формальный союз в России теряет свою популярность. Он не только откладывается на более поздний возраст у совре-

Женщины, брак когда-либо с 1-м партнером

№4
2006

Мужчины, брак когда-либо с 1-м партнером

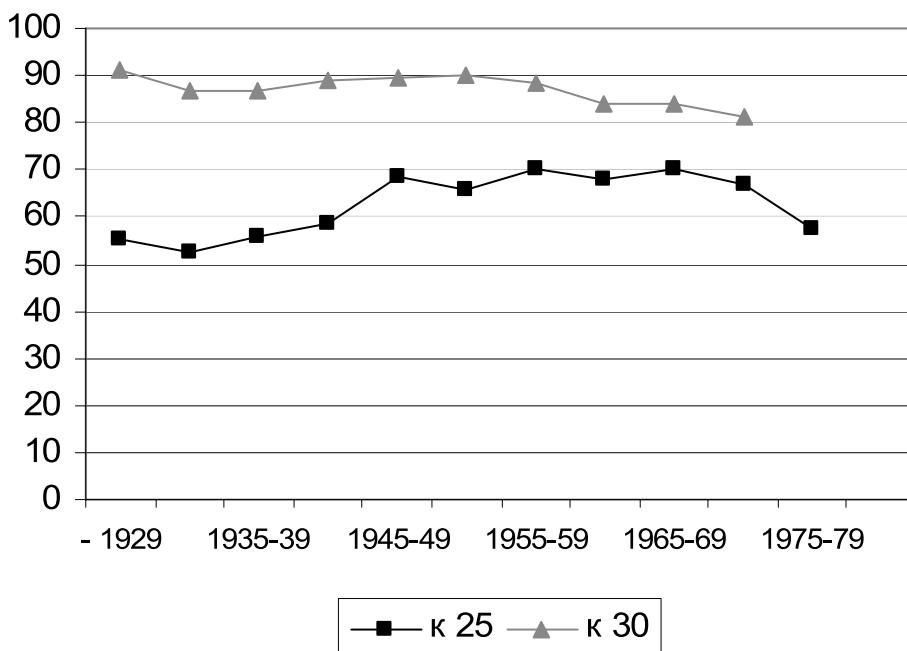

Рисунок 6. Накопленная доля женщин и мужчин, когда-либо зарегистрировавших брак с первым партнером к возрасту 20, 25 и 30 лет: реальные поколения годов рождения, указанных на абсциссе.

Россия, обследование RusGGS-2004.

менных поколений, но и вытесняется устойчивыми сожительствами. Будущее покажет, изберет ли Россия для себя радикальный скандинавский путь трансформации семейно-брачных отношений, при котором неформальные союзы в демографическом и юридически-правовом отношении сосуществуют на равных, или ей предстоит более мягкий путь Франции и целого ряда других западноевропейских стран, в которых неформальные отношения между совместно проживающими молодыми партнерами являются обязательной прелюдией к браку в зрелом возрасте. Возможен и вариант Америки, где, как в котле, варятся самые различные модели брачно-партнерских и семейных отношений в зависимости от принадлежности к той или иной социальной страте. В любом случае, на мой взгляд, «точка невозврата» к прежней модели брака для России уже близка.

